

ГРУППЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИНСТИТУТ ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ*

Институт власти-собственности существует в рамках российского хозяйственного порядка не одну сотню лет¹. В нашей стране многочисленные попытки реформ, направленные на изменение ситуации, при которой доминируют институты условной собственности, в конечном итоге не позволяли свернуть с траектории развития, что неоднократно приводило к эффекту блокировки, закрепляющему неэффективные институциональные ограничения. Для проведения действенных институциональных реформ необходимо понимание механизмов эволюции российского института власти-собственности; для этого данная проблема должна рассматриваться в связи с эволюцией российского хозяйственного порядка и ролью групп специальных интересов как институциональных инноваторов. Для этого необходимо учитывать исторические, культурные и другие институциональные особенности развития хозяйственных систем.

Теория хозяйственного порядка является разновидностью институционального подхода к анализу формирования и развития институциональной структуры экономики с учетом специфики конкретных исторических, национальных и политических условий. Теория хозяйственного порядка разрабатывалась экономистами, которые не входили в мейнстрим экономической теории. В основном это были представители немецкого ордолиберализма². Однако рост интереса к неортодоксальным (в научной литературе также присутствует термин «гетеродоксальные теории») течениям в современной экономической теории делает актуальным изучение проблемы формирования хозяйственного порядка в контексте институциональных изменений.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Эволюция института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка»), проект № 06-02-00232а.

Важнейшим моментом при исследовании хозяйственного порядка в тех или иных исторических координатах является вопрос о роли государства при его формировании³. Фактически данная проблема является частью более широкой — о роли государства при формировании институциональной структуры экономики. Не вызывает сомнений тот факт, что государство как институциональный инноватор создает формальные институты, которые, в свою очередь, могут относиться к политическим и экономическим институтам, в разной степени влияющими на хозяйственные процессы.

Качество государства также часто ассоциируется с политическими институтами, которые определяют объем политической власти⁴. Узурпация власти группами специальных интересов, которые могут представлять, например, земельную аристократию⁵, обуславливает деградацию политических институтов, в конечном итоге оказывая негативное влияние на формирование и функционирование экономических институтов, и ведет к отставанию в темпах экономического роста по сравнению со странами, имеющими более либеральные политические институты.

Формирование эффективного хозяйственного порядка с соответствующей институциональной структурой экономики является целью большинства хозяйственных реформ. Однако история дает много примеров, когда процессы институционального импорта и модернизации хозяйственных порядков не приводят к росту благосостояния общества, а создают устойчивые неэффективные экономические институты. Возникает вопрос, какие же причины и закономерности определяют формирование, отбор и функционирование эффективных (неэффективных) хозяйственных институтов вообще и института власти-собственности в частности?

1. Механизмы формирования, отбора и функционирования хозяйственных порядков

Формирование хозяйственных порядков вследствие инерционной природы институтов, подверженных инкрементным изменениям, представляет собой чаще всего эволюционный процесс. Поэтому при анализе институтов, функционирующих в рамках того или иного порядка, важно проследить их эволюцию. Это позволяет понять причины эффективного (неэффективного) ин-

ституционального регулирования хозяйственных процессов, а также учесть их эволюционно-генетические особенности при разработке программ реформ.

Принципы эволюционной теории наиболее разработаны в биологии, однако применение «эволюционного языка» в экономике детерминирует расширительную трактовку этого термина, в противоположность его узко-специфичному использованию в биологии⁶. Поэтому в целом эволюционная экономика может идентифицироваться как применение общей эволюционной концепции к экономическим феноменам. При этом важно подчеркнуть, что экономическое развитие и технологические изменения подвержены воздействию эволюционных сил, которые не только во многом сходны с биологической эволюцией, но и во многих отношениях различаются⁷.

Основные различия между физическими и биологическими системами состоят, во-первых, в различной природе «частиц», и, во-вторых, в различной природе процессов, протекающих в данных системах. Экономическое пространство может характеризоваться различными параметрами и структурными характеристиками. В общественных системах агенты ведут себя не так, как атомы, их склонность к ассоциированию в решающей степени будет зависеть от фенотипических характеристик их поведения⁸. Концепция «институционального человека» отличается от концепции «неоклассического человека» тем, что она признает историческую изменчивость предпочтений и поведения экономических агентов⁹. Существует тесная связь между способностью экономических агентов к ассоциированию и формированием их предпочтений и поведения, зависящих от привычек. Если бы индивидуум существовал в одиночестве, то его предпочтения формировались бы в моральном вакууме. Но предпочтения поддерживаются окружающими условиями, обществом и некоторыми группами людей. Поведение всегда изменяется, в этом и состоит различие между ним и физиологическими процессами.

Современная эволюционная экономика неоднородна. Она может быть разделена на два направления: 1) конвергентная с неоклассикой эволюционная экономика и 2) неэволюционная экономика¹⁰, рассматривающая не только эффективные, но и субоптимальные и неэффективные институциональные и техноло-

гические изменения в рамках концепции зависимости от предшествующей траектории развития (path dependence).

Неоклассический подход к анализу эволюции связан с исследованием определенного процесса, который приведет к прогрессу, и в результате которого устанавливается единственное оптимальное равновесие¹¹. Это доказывается эволюционной теорией игр, в рамках которой определяются параметры равновесия, и которую иногда называют теорией равновесного выбора. Если отбор осуществляется достаточно долго на основе имеющихся вариантов, то в отсутствие каких-либо инноваций в конечном счете система достигнет состояния с минимальным отклонением, т.е. равновесия. Очевидно, эта концептуальная позиция не является завершенным состоянием взгляда на эволюцию в экономике, технологических или природных системах. Тип эволюции, особенности ее структуры и формы проявляются во взаимодействии между отбором и инновацией.

Необходимо отметить, что фундаментальной единицей анализа в традиционной эволюционной экономике выступает не популяция и не индивидуум, а то, что могло бы быть широко описано как информация в той или иной форме. Общей для любой эволюционной системы является идея развития информации во времени. Популяции фирм, рутины, управление есть способы распространения этой информации, формирующей основу успеха или неудачи того или иного экономического действия. Также необходимо учитывать, что социальная эволюция осуществляется через передачу навыков и информации не от одних только биологических родителей индивида, но и от несметного числа его предков¹².

Эволюционная экономика основывается на принципах изменения, отбора и наследования, а также на объяснении процесса наблюдаемых изменений в системе взаимодействием этих трех характеристик. Другими словами, если система допускает разнообразие этих элементов, то сохраняются только те из них, которые наилучшим образом соответствуют окружению, поскольку отбираются согласно этому критерию¹³. Понятие наследования употребляется в том смысле, что те элементы, которые выживают, продолжают проявлять свои положительные свойства в следующем периоде времени (между тем как свойства, принадлежащие не выжившим элементам, вымирают вместе с ними)¹⁴. Это харак-

теризует перенос смысла старой идеи Г. Спенсера¹⁵ «выживания самого приспособленного» на экономическую теорию. Поэтому самым распространенным в экономической научной литературе является отбор наиболее эффективных фирм и форм хозяйствования в процессе конкуренции на продуктовых рынках. Некоторые фирмы выживают, а другие умирают, это зависит от прибыли, связанной с индивидуальной стратегией. Если давление отбора достаточно высоко, то выживут только самые эффективные или лучше всего приспособленные к данным институциональным условиям ведения хозяйственной деятельности. Выжившие фирмы, следовательно, действуют эффективно, даже если выбор стратегии не совсем хорошо обдуман. Однако такая точка зрения является примером трюизма о том, что выжившие фирмы наиболее эффективны, так как эффективные выживают¹⁶. Здесь необходимо обратить внимание на тавтологичность основного принципа дарвинизма «выживание наиболее выживаемых (или приспособленных)». На этот факт указывали как первые критики дарвинизма, так и создатели синтетической теории эволюции К.Х. Уоддингтон, Р. Фишер, Дж. Б.С. Холдейн, Г.Г. Симпсон¹⁷.

Согласно конвергентному с неоклассикой подходу к исследованию экономической эволюции в условиях конкуренции, преимущества получают фирмы, реализующие принцип максимизации в своих рыночных взаимодействиях, что позволяет им успешно проходить эволюционный отбор и вытеснять фирмы, характеризующиеся отличными от них поведенческими предпосылками и рутинными. Следовательно, будут отбираться технологии, рутины и институты, наиболее благоприятствующие реализации принципа максимизации прибыли, снижающие транзакционные издержки. Однако в рамках новейших направлений эволюционной экономики данное положение не всегда выполнимо, вследствие чего может происходить отбор и сравнительно неэффективных институциональных структур.

Напротив, согласно неэволюционной парадигме, вследствие зависимости от предшествующей траектории развития (path dependence) могут отбираться и быть устойчивыми неоптимальные варианты технологического институционального развития. Зависимость от предшествующей траектории развития является феноменом, объясняющим, почему настоящие акты вы-

бора агентов *могут* зависеть от актов выбора, сделанных ранее (случайных, незначительных исторических событий и т.д.). Для анализа в рамках данной концепции важна сама последовательность исторических событий и те институциональные рамки, в которых предыдущие акты выбора, и соответственно, отбора производились. Чем дальше развивается система, в случаях, когда наблюдается феномен «path dependence» (а он, конечно, существует не всегда), тем сильнее прошлые акты выбора влияют на настоящие. После прохождения некоторой границы процесс становится необратимым, т.е. альтернативные акты выбора становятся невозможными (по Б. Артуру, в условиях возрастающей отдачи¹⁸). Наступает эффект блокировки, т.е. система замыкается на исторически определенных альтернативах актов выбора.

Отбор институтов может зависеть от типа взаимодействий экономических субъектов, которые детерминируют образование института. Эти типы взаимодействий зависят от исторического контекста культурных и иных институциональных особенностей развития того или иного хозяйственного порядка. Следовательно, отбор институтов осуществляется по критерию соответствия текущих взаимодействий с прошлыми. Это определяет отбор неэффективных институтов и технологий, которые, будучи сравнительно неэффективными (согласно концепции эффективности рыночного процесса), закрепляются, соответствуя предыдущим взаимодействиям, сформировавшим настоящие институциональные структуры. Это означает, что тип взаимодействий экономических субъектов закрепляется в «исторической памяти» (функционировании) института и определяет его эволюцию.

В результате рыночного отбора информационные сигналы приобретают те свойства, которые были заданы начальным распределением информации; начальные условия зависят от социальных институциональных рамок, а также от познавательных возможностей индивидов, последние же, в свою очередь, зависят от качества человеческого и социального капитала. Такой отбор приведет к результатам, не поддающимся точному прогнозу, но в направлении, заданном первоначальными информационно-институциональными рамками, что отражает информационную природу институтов. Здесь необходимо отметить, что начальные институциональные условия формируются спонтанно, часто под воздейс-

твием незначительных (с точки зрения современников) или даже случайных факторов. В этом случае, как обосновано выше, полезно применение методологии неоэволюционной экономики, в частности, зависимости от предшествующей траектории развития¹⁹. Как показал ведущий представитель этого исследовательского направления Б. Артур, незначительные исторические события не могут быть опущены или усреднены в долгосрочном процессе, так как они могут предопределить наступление того или иного последствия²⁰. Эти исторические события и есть первоначальные институциональные ограничения, которые вследствие инертности политических, технологических и институциональных структур²¹ могут, в зависимости от различных факторов, приводить систему к ситуации расширения или свертывания обменов.

В отличие от эволюции биологической, в социальной эволюции навыки, умения, знания и опыт не передаются по наследству, а усваиваются, приобретаются, наследуются в ходе обучения в социальных организациях и группах. Если в биологической эволюции происходит наследование признаков родителей, то в социальной — опыта, традиций социальных коллективов и общества в целом²². Также необходимо учитывать, что сами по себе институты — как правила и механизмы, обеспечивающие их выполнение, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми²³ — только тогда имеют значение в исторической эволюции хозяйственных порядков, когда их сигналам следуют значительные количества индивидуумов, включенных в социальные экономические отношения. Поэтому именно группы интересов являются теми инноваторами, которые иницируют создание новых институтов и поддерживают функционирование уже существующих. Следовательно, можно сделать вывод, что устойчивое воспроизводство групп интересов позволяет поддерживать и развивать институты того или иного хозяйственного порядка.

Функционирование того или иного института связано с текущими взаимодействиями экономических акторов: организаций, групп специальных интересов и индивидов. Эти взаимодействия могут быть направлены на изменение существующих институциональных ограничений. Как уже отмечалось, технологические и институциональные изменения необязательно приводят к возникновению эффективных институтов и технологий.

В процессе отбора институтов важнейшую роль играют устойчивые группы интересов. Причем такие группы могут преследовать как узкие (специальные), так и всеохватывающие интересы. В экономической теории возникновение и развитие теории групп специальных интересов связано, в первую очередь, с именем М. Олсона²⁴. Им разработаны основные положения теории коллективных действий и показаны направления ее применения для анализа проблем, входящих в сферу современной экономической теории.

Проблема влияния групп интересов на социальное развитие также рассматривается в рамках политологии. Впервые концепцию групп интересов в рамках политологии выдвинул в 1908 году А. Бентли²⁵. Он считал, что взаимодействие групп и институтов государства является определяющим фактором государственной политики, особенно в социально-экономической сфере, а влияние самих групп полагал прямо пропорциональным их численности²⁶. В дальнейшем деятельность групп специальных интересов исследовалась неразрывно с проблемой формирования и реализации целей политических партий. Партии как группы специальных интересов (как узких, так и всеохватывающих), рассматриваются и по отношению к проблемам благосостояния общества²⁷.

Под группами специальных интересов обычно понимают совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов, и на которых действуют избирательные стимулы для производства совместного коллективного блага. Группы с особыми интересами могут создавать структуры для лоббирования политических и экономических решений и нормативных актов, олигархические и монополистические структуры, а также участвовать в перераспределении.

Группы с особыми интересами замедляют экономический рост, снижая скорость перераспределения ресурсов между сферами деятельности или отраслями в ответ на появление новых технологий или условий. Один из очевидных способов, которым они добиваются этого, лоббирование помощи для выхода из затруднительного положения фирм, потерпевших фиаско, что приводит к отсрочкам и затрудняет перемещение ресурсов в те сферы деятельности, где они имели бы большую продуктивность. Другие способы замедления скорости перераспределения ресур-

сов, возможно, не столь очевидны. Пусть, например, по какой-то причине значительно возрос спрос на труд в отрасли или по профессии, в которой он контролируется единым профсоюзом или профессиональной ассоциацией. Картелированная организация способна из-за сдвига спроса потребовать более высокой оплаты, а новая, более высокая монопольная цена снизит количество труда, используемого в переживающем подъем секторе, снижая тем самым рост и эффективность экономики²⁸.

Для того чтобы группа со специальными интересами включилась в производство какого-либо коллективного блага, необходимо наличие избирательных стимулов. Избирательные стимулы — это стимулы, которые применяются к индивидуумам избирательно в зависимости от того, вносят они вклад в обеспечение коллективным благом или нет²⁹.

Социальные избирательные стимулы могут быть сильными и слабыми, но доступны они только в определенных ситуациях. Обычно они малоприменимы для больших групп, за исключением тех случаев, когда большие группы могут быть союзом малых групп, способных к социальному взаимодействию. Необходимо отметить, что информация и расчеты издержек и выгод предоставления коллективного блага часто сами являются коллективным благом.

Даже в тех случаях, когда вклад достаточно большой для того, чтобы выявить рациональность расчетов затрат и выгод, существуют обстоятельства, при которых коллективные действия могут случаться и без избирательных стимулов. Что это за обстоятельства, станет ясно сразу же, как только мы представим ситуации, когда имеется лишь несколько индивидуумов или фирм, получающих выгоду от коллективного действия. Внедрение институциональной инновации группой специальных интересов, той или иной политической элитой, олигархами почти всегда предполагает получение каких-либо выгод и осуществляется с этой целью. Часто эти выгоды связаны с процессами распределения собственности. Поэтому институт власти-собственности является логическим результатом или даже индикатором действия узких групп специальных интересов.

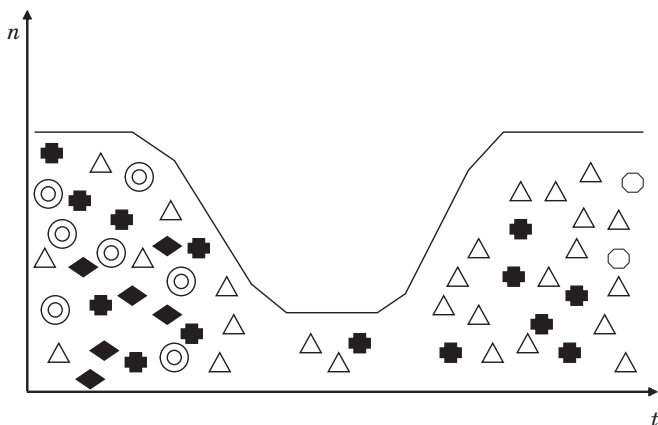
Часто в институциональной и эволюционной экономике единицами анализа, с которыми ассоциируются изменения в эко-

номических системах и порядках, наряду с информацией признаются институты или рутины. Здесь уместны биологические аналогии, согласно которым рутины и институты выполняют в экономике роль генов, передавая информацию в ходе эволюционного развития³⁰. Однако институты непосредственно не участвуют в процессе отбора. Отбираются группы интересов, включенные в действие того или иного института. Необходимо отметить, что такие группы могут выражать как узкие, так и всеохватывающие общественные интересы, и каждая из таких групп может поддерживать формирование и функционирование нескольких институтов.

Для иллюстрации отбора институтов с учетом формирования групп интересов можно использовать аналогию модели «бутылочного горлышка» из эволюционной биологии. Если экономическую эволюцию трактовать как процесс роста многообразия, сложности и продуктивности экономики за счет периодически происходящей смены технологий, продуктов, организаций и институтов³¹, то модель «бутылочного горлышка» дает релевантное объяснение смены одного экономического порядка другим³².

В биологии «эффект бутылочного горлышка» и «эффект основателя» используются как частные случаи более общей проблемы «дрейфа генов». Если провести аналогию между дрейфом генов в биологии и процессами в социальной и экономической жизни, то аналогом будут масштабные институциональные изменения. Согласно эффекту «бутылочного горлышка» (т.е. очень маленькой популяции), можно наиболее вероятно идентифицировать возникновение нового вида, когда мутация закрепляется с течением времени в поколениях. Малые популяции являются более вероятными кандидатами на микроэволюцию и видообразование, чем большие, потому что в больших популяциях редко какая мутация просто так закрепляется. Иными словами если вид процветает, имеет много особей и размножается хорошо, то ему, чтобы «эволюционировать», нужно гораздо больше времени (миллионы поколений), чем виду, которого мало и которому плохо живется (так как требуется гораздо меньше поколений)³³. Те признаки, которые были присущи малой популяции (в момент прохождения точки «бутылочного горлышка», с большей вероятностью будут мультиплицированы в последующем разви-

тии популяции. Возникающие многочисленные популяции воспроизводят генетическую структуру их основателей. Это явление американский зоолог Э. Майр, один из основоположников синтетической теории эволюции, назвал «эффектом основателя»³⁴. На рисунке «эффект бутылочного горлышка» изображен применительно к социальным изменениям; следовательно, ось ординат отображает n количество групп интересов, включенных в действие того или иного института, а ось абсцисс t время.

Эффект бутылочного горлышка

Момент радикальной трансформации того или иного экономического порядка приводит к так называемому трансформационному кризису³⁵. Во время этого кризиса резко сокращается количество обменов в экономике и происходит деинституционализация и, следовательно, разрушение старых групп специальных интересов. Следовательно, момент перехода от одного экономического порядка к другому аналогичен «эффекту бутылочного горлышка» в биологии и, таким образом, может быть назван так же при описании экономических процессов. Именно институты, которые остаются от старого порядка и первыми создаются (или импортируются) для нового, т.е. существуют в начальный момент развития новой экономической системы, и приобретают особое значение для дальнейшего развития этой системы. Здесь вступает в действие «эффект основателя». Следовательно, очень трудно изменить вектор экономического

развития системы, только что прошедшей через «бутылочное горлышко» кризисной трансформации. Если набор институтов вследствие случайных или незначительных³⁶ исторических событий оказался сравнительно неэффективным, то система будет воспроизводить эти неэффективные состояния до тех пор, пока не возникнет новая ситуация, которая может быть отнесена к «эффекту бутылочного горлышка».

Именно в процессе прохождения через кризис, характеризующийся «бутылочным горлышком», проходит разрушение, в первую очередь, старых групп специальных интересов, что согласуется с подходом М. Олсона³⁷. Фактически, в такие исторические моменты национальный хозяйственный порядок может быть кардинально преобразован или даже заменен на новый вследствие импорта или трансплантации институтов³⁸. Однако полная смена социального и хозяйственного порядка будет маловероятной из-за существующего в обществе социального капитала, определяющего фундаментальные социальные связи, а также связанного с национальными ментальными и поведенческими моделями. Оставшиеся после прохождения «бутылочного горлышка» группы интересов будут инициировать сохранение старых и формирование новых институтов, в сферу действия которых они включены. Именно в зависимости от выгодности для тех или иных групп и будут формироваться эффективные, субоптимальные и вовсе неэффективные институты³⁹. От качества социального капитала будет зависеть и состав и разновидность групп интересов — это могут быть узкие группы со специальными интересами или группы со всеохватывающими интересами⁴⁰. Доминирование групп с узкими специальными интересами в большинстве случаев будет приводить к созданию субоптимальных и неэффективных институтов.

В момент прохождения «бутылочного горлышка» и в ближайшие временные интервалы возможность «институциональных мутаций» будет более вероятна. В это время создается большинство социальных, в том числе и экономических институтов, которые будут определять тип и качество хозяйственного порядка до прохождения системы к новой точке системного кризиса.

Созданные институты включаются в процесс отбора, который может происходить на институциональном рынке. При от-

боре вновь созданных институтов важно учитывать два фактора: зависимость от предшествующей траектории развития⁴¹ (path dependence) и экзаптацию (exaptation) институтов⁴².

Как уже отмечалось, формирование хозяйственного порядка осуществляется при участии государства. Именно государство выступает организующим элементом институциональной структуры (institutional arrangement) или институциональной среды (institutional environment)⁴³. Но действия государства во многом зависят от доминирующих во властных структурах групп специальных интересов. Таким образом, государство является основным институциональным инноватором, который создает и поддерживает институциональную структуру того или иного хозяйственного порядка.

2. Развитие российской власти-собственности как проявление механизмов отбора хозяйственных порядков

В исторических рамках российского хозяйственного порядка неоднократно осуществлялись внедрение и импорт институтов, что происходило в результате трансформационного кризиса, описываемого моделью бутылочного горлышка. Мы хотим акцентировать внимание лишь на одной институциональной инновации, связанной с институциональным импортом — институте власти-собственности.

Объяснение устойчивости института власти-собственности в рамках российского хозяйственного порядка можно дать на основании гипотезы о зависимости от предшествующей траектории развития. Институт власти-собственности не одну сотню лет доминирует в российской экономике. Более того, именно доминирование института власти-собственности во многом является важнейшей характеристикой российского хозяйственного порядка. Причем этот институт эксплицитно является неэффективным по сравнению с частной или индивидуализированной собственностью. Формирование институтов собственности в России можно считать исторически обусловленным процессом, который не укладывается в модель традиционной эволюционной экономики, предусматривающей развитие экономических институтов от менее эффективных к более эффективным. Если учитывать последовательность исторических событий с пози-

ций неэволюционной экономики, то можно выделить примеры зависимых от предшествующего пути развития событий, а также эффекта блокировки, закрепляющего неэффективные и субоптимальные экономические институты⁴⁴.

Если эволюционное формирование института власти-собственности описывается моделью зависимости от предшествующей траектории развития, то можно найти те исторические события, которые позволили данному институту закрепиться (lock in) благодаря возрастающей отдаче от масштаба. Таким историческим отрезком можно считать время царствования Ивана IV Грозного. Необходимо отметить, что в XVI веке институт власти-собственности лишь окончательно закрепился, но начал формироваться он несколькими веками раньше. Данному институту в то время существовали альтернативы даже в рамках российского хозяйства, например, новгородская модель собственности в XIII–XV вв.

В российской истории можно найти пример одновременного существования различных институциональных режимов собственности. В начале XV в. сформировались две модели собственности на землю как доминантный для того время хозяйственный актив, которые нами различаются: новгородская и московская. Московская модель характеризуется вотчинным землевладением, которое послужило в дальнейшем основой формирования института власти-собственности. Новгородская модель, напротив, отличается либеральным характером, фактически абсолютным правом собственности и многосубъектностью землевладения⁴⁵. Относительно перспектив институционального развития экономики новгородская модель была, конечно, более предпочтительной.

В рамках новгородской модели важнейший актив того времени, земельная собственность, мог принадлежать следующим категориям граждан: боярам, монастырям, житейным людям и земцам (или своеземцам), причем последние две категории собственников фактически отсутствовали в московской модели землевладения.

Важной особенностью новгородского землевладения был класс крестьян-собственников, которые назывались земцами или своеземцами. Этого класса мы не встречаем на всем пространстве княжеской Руси: там все крестьяне работали либо на

государственных, либо на частных землях. Своеземцы меняли и продавали свои земли, выкупали у родичей, отдавали в приданное за дочерьми; даже женщины, вдовы и сестры являлись владелицами и совладельцами таких земель. В отличие от княжеской Руси, в Новгородской и Псковской земле право земельной собственности не было привилегией высшего служилого или правительственного класса; оно было усвоено и другими классами свободного населения⁴⁶. С последующим доминированием московского варианта вотчинного землевладения крестьяне постепенно теряют свои земли. Земля сосредоточивается в руках крупных землевладельцев, духовных и светских, а с землей переходит к ним власть; сила покоится на богатстве⁴⁷. Потребовалось почти четыре столетия, чтобы класс крестьян-собственников снова возник в Российской империи. Но, как показывает история, влияние этого класса было невелико, что является одной из причин российских революций.

Эволюция московской модели собственности привела, по выражению Р. Пайпса⁴⁸, к формированию вотчинного государства, которое базировалось на институте власти-собственности. Таким образом, власть московских князей, а впоследствии российских царей и императоров, имела характер вотчинной власти, следовательно, они не только управляли страной, но и владели ею⁴⁹.

Замыкание российской экономики на институте власти-собственности произошло вследствие возрастающей отдачи от внедрения данного института, т.к., согласно подходу Б. Артура, в случае возрастающей отдачи возникновение эффекта блокировки и закрепление субоптимальных институтов возможно с высокой вероятностью. Поскольку московская армия комплектовалась воинами, получавшими служебные имения, то вотчинно-помещичья система давала растущий эффект от масштаба: чем больше земель присоединяла Москва, тем многочисленнее была ее профессиональная армия. Бояре и помещики присоединяемых княжеств либо изъявляли покорность Москве и вливались в ее армию, либо, если они успели зарекомендовать себя противниками Москвы, подвергались репрессиям, а их земли раздавали лояльным к новой власти воинам⁵⁰.

Вотчинная форма землевладения, характерная для московской модели, не позволяла формироваться устойчивым группам

интересов, которые были бы заинтересованы и имели возможности внедрить институциональные инновации, способствующие индивидуализации собственности. Блокировка на институте власти-собственности объясняется не только зависимостью от предшествующего пути развития, но и тем фактом, что такая система собственности, служа интересам государства (в лице верховной власти), не позволяла сформироваться устойчивым группам интересов, заинтересованных в иных институциональных альтернативах. Устойчивость и экспансия государства сочеталась в этой модели с нестабильностью и условностью прав собственности (в основном, собственности на землю).

Согласно современным работам российских историков, поместная система землепользования была заимствована у Османской империи. Таким образом произошел институциональный импорт, который позволял верховной власти осуществлять как внешнюю, так и внутреннюю экспансию, что согласуется с гипотезой о возрастающей отдаче института власти-собственности. Более того, реформы, в результате которых окончательно сформировался устойчивый институт власти-собственности, были сознательным импортом норм иного хозяйственного порядка. Известно, что Иван Грозный в целом следовал определенному проекту преобразований; также известен человек, предложивший этот проект. Этого человека звали Иван Пересветов. 8 сентября 1549 года в церкви Рождества Богородицы Пересветов вручил царю челобитную с проектом реформ. Иван Пересветов был русским дворянином из Литвы, многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки и советовал царю брать пример с Турции⁵¹.

Схожесть российских политических институтов с османскими отмечали и иностранные современники. Так, посланник английской королевы Елизаветы I Джон Флетчер отмечал, что образ правления у русских весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому стараются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических⁵². К XVI веку поместная система существовала в двух странах: в России и в Османской империи (в Турции поместье называлось тимаром, а помещик — тимариотом или сипахи⁵³).

В XVI в. институт власти-собственности, выросший из помещной системы землевладения, видимо, не был абсолютно неэффективным и позволял создать крупное централизованное государство. Поэтому эволюция российского института собственности воспроизводит власть-собственность, которая наблюдается на всех этапах истории, например, в рамках социалистического хозяйства⁵⁴, изменяясь и приспособляясь к трансформирующимся политическим институтам. Доминирование института власти-собственности приводит к тому, что обладание значительным богатством напрямую зависит от отношений субъектов собственности с действующей властью. Однако Ф. Хайек отмечал: «общество, в котором власть сосредоточена в руках богатых, существенно отличается от общества, в котором богатыми могут стать только те, в чьих руках находится власть»⁵⁵. Таким образом, формирование эффективной институциональной структуры российского хозяйственного порядка во многом зависит от того, как будут эволюционировать институты собственности, а также от преодоления инерции власти-собственности.

Устойчивость и доминирование условной формы собственности может быть объяснено тем фактом, что в России политическое устройство и специфика человеческого и социального капитала не позволяла сформироваться группам со всеохватывающими интересами, которые были бы в состоянии выступить институциональными инноваторами структур, обеспечивающих функционирование абсолютной частной (индивидуализированной) собственности.

На протяжении XIX века и вплоть до 1917 года создание промышленных акционерных обществ было сопряжено с разрешительным порядком регистрации, которая заканчивалась утверждением устава общества Императором. Следует отметить, что сам устав создаваемого акционерного общества составлялся по выработанным в министерствах образцам и вместе с прошением подавался в заинтересованное ведомство для получения конфирмации императора⁵⁶. В промышленности вообще существовал более строгий порядок открытия новых производств. Этот порядок был связан с обязательной санкцией начальства губернских и уездных городов и округов. Для предприятий, которые не входили в особый список Министерства внутренних дел, согла-

сованный с Министерством финансов порядок регистрации был более сложным и требовал, например, в Санкт-Петербурге санкции градоначальника⁵⁷. Данные правовые институты в начале XX века негативно сказывались на развитии промышленности, но вследствие институциональной инерции власти-собственности не были изменены.

Доминирование и закрепление института власти-собственности вследствие зависимости от предшествующего пути развития и эффекта блокировки не позволяет включиться механизмам отбора институтов и сформироваться рынку институтов. Ограничение в сфере институциональной эволюции непосредственно сказывается на показателях благосостояния, человеческого и социального капитала. Необходимо отметить, что в научной литературе существуют две противоположные точки зрения относительно причинной связи между институтами, человеческим капиталом и экономическим ростом. Согласно первой, именно качественные политические и экономические институты детерминируют экономический рост и долгосрочные тенденции роста благосостояния всех групп населения, что положительно отражается на показателях человеческого и социального капиталов⁵⁸. Согласно второй, именно накопленный человеческий и социальный капитал позволяет тому или иному социуму создавать те экономические и политические институты, которые способствуют долгосрочному экономическому росту⁵⁹. Данные две точки зрения на причины формирования эффективных институтов имеют право на существование, так как они акцентируют внимание на различных аспектах внедрения и эволюционного формирования институциональной структуры. Важно учитывать именно эволюционный характер возникновения и развития институтов.

Современное состояние российской экономики позволяет сделать вывод, что в результате трансформационного кризиса институт власти-собственности благополучно сохранился и с некоторыми мутациями продолжает доминировать в хозяйственной жизни⁶⁰. Сложность ситуации с российскими институтами собственности заключается в том, что «благодаря» проводимой экономической политике в самом начале реформ (т.е. «эффекту основателя») возникла ситуация, в которой роль групп со всеохватывающими интересами незначительна (если такие группы

вообще существуют), а новорожденный российский капитализм унаследовал «социальный склероз» от советской экономики. В свою очередь, узкие группы специальных интересов сильны, организованы и постоянно эволюционируют. Для того, чтобы в результате институциональных реформ сформировалась эффективная система собственности, необходимы стимулы. Эти стимулы должны соотноситься со всеохватывающими общественными интересами, но роль групп со всеохватывающими интересами в российском обществе незначительна.

При разработке программ реформ, подразумевающих институциональные инновации, необходимо учитывать, что отбор эффективных институциональных альтернатив осуществляется в соответствии не столько с их экономической эффективностью, как устойчивостью⁶¹. Длительное доминирование института власти-собственности сформировало устойчивые стереотипы хозяйственного поведения, которые, в свою очередь, препятствуют эволюционному развитию институтов, благоприятствующих развитию рынков и конкуренции. Поэтому важно учитывать фактор сложившихся стереотипов поведения хозяйствующих субъектов и действия групп интересов, которые могут в конкретных исторических условиях выступать институциональными инноваторами.

Примечания

¹ См.: Нуреев Р.М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века» // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/129880>; Цирель С.В. «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3; Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // *Отечественная история*. 1996. № 3.

² Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995; Ойкен В. Основы национальной экономики. М., 1996; Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002.

³ Представители Фрайбургской школы, например, отводят государству ведущую роль при формировании хозяйственного порядка. См.: Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002.

⁴ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S.N. Durlauf (eds), *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1. New York, Elsevier, 2005. P. 385–472.

⁵ Acemoglu D., Robinson J.A. Political Losers as a Barrier to Economic Development // *American Economic Review*. 2000. Vol. 90. No. 2. P. 126–130.

⁶ Nelson R.R. Recent Evolutionary Theorizing About Economic Change // *Journal of Economic Literature*. Mar., 1995. V. 33. № 1.

⁷ Hodgson G. *Economics and Evolution: Bringing Life Back into Economics*. Cambridge: Polity Press, 1993.

⁸ Dopfer K. Toward a theory of economic institutions: Synergy and path dependency // *Journal of Economic Issues*. Jun., 1991. V. 25. № 2.

⁹ Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003.

¹⁰ На существование данного направления указывают Н. Флигстин и Р. Филанд (Fligstein N., Feeland R. Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // *Annual Review of Sociology*. 1995. Vol. 21. P. 21–43).

¹¹ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. 1994. Т. 2. Вып. 4.

¹² Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 47.

¹³ Powell J. H., Wakeley T. M. Evolutionary concepts and business economics: Towards a normative approach // *Journal of Business Research*. Vol. 56. Issue 2. February 2003.

¹⁴ Данная точка зрения разделяется не всеми представителями эволюционной экономики и берет свое начало с широко известной работы Армена Алчиана. См.: Alchian A.A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // *Journal of Political Economy*. Jun. 1950. V. 58. № 3.

¹⁵ Спенсер Г. *Опыты научные, политические и философские*. Минск, 1998. Т. 1. С. 388–465.

¹⁶ Knudsen T. Economic selection theory // *Journal of Evolutionary Economics* (2002) Vol.12. No.4. P. 446.

¹⁷ Назаров В.И. *Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели*. М.: URSS, 2005, С. 62.

¹⁸ Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *Economic Journal*. Mar., 1989. V. 99. № 394.

¹⁹ Основные положения данной концепции содержатся в работах: Arthur W.B. *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994; David P.A. *Clio and the Economics of QWERTY* // *American Economic Review*. 1985. V. 75. № 2.

²⁰ Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *Economic Journal*. Mar. 1989. V. 99. № 394.

²¹ Мокыр J. Technological Inertia in Economic History // *Journal of Economic History*. Jun. 1992. V. 52. № 2.

²² Рузавин Г. Самоорганизация как основа эволюции экономических систем // *Вопросы экономики*. 1996. № 6.

²³ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т.1. Вып.2. М., 1993. С. 73.

²⁴ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995; Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998.

²⁵ Bently A. The process of Government. Cambridge, Mass., 1967.

²⁶ Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. М.: УРСС, 1999. С. 19.

²⁷ Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. May. 1995. V. 85. № 2.

²⁸ Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. May. 1995. V. 85. № 2.

²⁹ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998. С. 44.

³⁰ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000.

³¹ Маевский В.И. Эволюционная экономическая теория и некоторые проблемы современной российской экономики // Вестник молодых ученых. Сер. Экономические науки. 2001. № 2. С. 9.

³² Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция // Постсоветский институционализм / Под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк, 2005. С. 185–204.

³³ Айала Ф., Кайгер Дж. Современная генетика. М., 1988. Т. 3. С. 128.

³⁴ См.: Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М., 1968; Mayr E. Toward a New Philosophy of Biology; Observations of an Evolutionist. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1988.

³⁵ Полтерович В.М. Институциональная динамика и теория реформ // Эволюционная экономика и «мейнстрим». М., 2000. С. 31–54.

³⁶ Артур Б. определяет незначительные исторические события как события, которые обычно не берутся наблюдателем в расчет, т.е. не включаются в стандартный анализ как условия, обладающие способностью влиять на что-либо (Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. Mar., 1989. V. 99. № 394.)

³⁷ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск, 1998.

³⁸ Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.

³⁹ Вольчик В.В. Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004.

⁴⁰ Olson M. Jr. The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // American Economic Review. May. 1995. V. 85. № 2.

⁴¹ Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Mar., 1989. V. 99. № 394; David

P.A. Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*. 1985. V. 75. № 2.

⁴² Mokyr J. Evolutionary phenomena in technological change. In: Ziman J (ed) *Technological innovation as an evolutionary process*, Cambridge University Press, Cambridge, 2000; Dew N., Sarasvathy S.D., Venkataraman S. The economic implications of exaptation // *Journal of Evolutionary Economics*, 2004. Vol. 14. №1.

⁴³ Оба термина используются О. Уильямсоном. См.: Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб., 1996.

⁴⁴ Вольчик В.В. Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России // *Историко-экономические исследования*. 2005. Т. 6. № 2. С. 144–152.

⁴⁵ Ключевский В.О. *Русская история: Полный курс лекций в трех книгах*. М., 1995. Кн. 1. С. 395–401.

⁴⁶ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 400–402.

⁴⁷ Кулишер И.М. *История русского народного хозяйства*. Челябинск: Социум, 2004. С. 51.

⁴⁸ Пайпс Р. *Собственность и свобода*. М., 2000.

⁴⁹ Летенко А.В. *Российские хозяйственные реформы: История и уроки*. М., 2004. С. 17.

⁵⁰ Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2004. Т. 2. № 4. С. 117–118.

⁵¹ Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // *Вопросы истории*. 2002. № 11.

⁵² Флетчер Дж. *О русском государстве*. М.: Захаров, 2002. С. 40.

⁵³ Нефедов С.А. Указ. соч.

⁵⁴ Нуреев Р.М., Рунов А.Б. *Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе)* // *Вопросы экономики*. 2002. № 6. С. 10–31.

⁵⁵ Хайек Ф.А. *Дорога к рабству* // *Новый мир*. 1991. №7. С. 224.

⁵⁶ Поткина И.В. *Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд*. М., 2000. С. 308.

⁵⁷ Поткина И.В. Указ. соч. С. 310–311.

⁵⁸ Норт Д. *Институты и экономический рост: историческое введение* // Тезис. Т.1. Вып.2. М., 1993; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. *Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth* // P. Aghion, S.N. Durlauf (eds). *Handbook of Economic Growth*. Vol. 1, New York, Elsevier, 2005. P. 385–472.

⁵⁹ Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. *Do Institutions Cause Growth?* // NBER Working Paper. № 10568. June 2004.

⁶⁰ Плискевич Н.М. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. 2006. Т. XV. № 3.

⁶¹ Саймон Г.С. *Науки об искусственном*. М., 2004.